

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 (40) Том . 2019

Социологические аспекты криминализации советского общества в 1940-е годы: специфика Калининградской области

Кривошеев Владимир Вениаминович

профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Российская Федерация, Калининград

Аннотация

В статье раскрывается специфика социологической интерпретации понятия «криминализация», показываются характеристики этого сложного социального явления. Рассматриваются особенности закрепления в обществе советского криминалитета, его основные черты. Особое внимание концентрируется на трансформации отечественного криминалитета в 1940-е гг., его действий в условиях тоталитарного режима, когда, казалось бы любые отклонения от общепринятых норм и порядков были едва ли возможными. Акцент делается и на региональных особенностях криминальной активности. В частности, показывается масштаб и характеристики преступности в Калининградской области, возникшей на части Восточной Пруссии после Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что некоторые слагаемые криминальной активности в советский период истории напрямую связаны с особенностями социально-экономической и политической системы, которая сложилась в СССР. Речь, в частности, идёт о нерыночном характере народного хозяйства, господстве надгосударственного управленческого аппарата. Насущность предлагаемого анализа диктуется не только необходимостью всё более полного понимания различных аспектов криминализации российского общества, но и потребностями современного его развития по позитивному сценарию, выявления возможности удержания преступных проявлений в социально приемлемых для социума пределах.

Ключевые слова: криминализация, специфика социологического анализа преступности, советский криминалитет, Калининградская область

Дата публикации: 25.12.2019

Ссылка для цитирования:

Кривошеев В. В. Социологические аспекты криминализации советского общества в 1940-е годы: специфика Калининградской области // Псковский регионологический журнал – 2019. – Выпуск 4 (40) С. 48-56 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010188-9-1> (дата обращения: 26.07.2024). DOI: 10.37490/S221979310010188-9

¹ **Введение.** Прежде чем раскрывать особенности криминальности советского общества в 1940-гг., показывать специфику преступных проявлений в Калининградской области, представляется целесообразным раскрыть социологический подход к выявлению сущности понятия «криминализация». В теории права, и прежде всего в теории уголовного права, под криминализацией понимается перевод деяния в уголовно наказуемое. Соответственно декриминализация мыслится как процедура изъятия из уголовного кодекса статьи (статей), предусматривающих уголовную ответственность за какое-либо действие. Так было, например, со спекуляцией, под которой понималась перепродажа вещей, предметов с целью извлечения прибыли, дохода, и которая предусматривала уголовное наказание. Ныне спекуляция, с этой точки зрения, декриминализована, то есть не полагается наказуемым действием. Оно вполне вписывается в представления о рыночных механизмах хозяйствования.

² В криминологии под криминализацией понимают увеличение числа зарегистрированных преступлений и количества выявленных лиц, их совершивших. И. И. Карпец, например, исследуя социальные истоки преступности, отмечает такую её характеристику, как интеграция массы индивидуальных актов, поступков людей, нарушающих нормы-запреты, закреплённые в законе, возрастание числа индивидов, преступающих их [7, с. 27–28]. В обстоятельной монографии, посвящённой проблемам преступности в двадцатом столетии, развертывающей широкую панораму этого негативного явления и в мировом масштабе, и на уровне регионов планеты, и в отдельных странах, В. В. Лунеев строит свою аргументацию, всецело опираясь на статистические данные о зарегистрированных преступлениях и лицах их совершивших [10]. Мы не отвергаем эти подходы, считаем их вполне применимыми и за пределами отдельных отраслей знания. Действительно, в конечном счёте многие выводы о ситуации в обществе в целом делались и делаются, что справедливо, на основе так называемой уголовной статистики.

³ Социологический анализ, по нашему мнению, предполагает иной подход к исследованию криминальной действительности, фиксации и интерпретации фактов, свидетельствующих о насыщении общества неправовым, неморальным.

⁴ Криминализация с социологической точки зрения, на наш взгляд, есть процесс более глубокий, охватывающий не только сферу преступных действий, вплетённых, встроенных во все социальные институты, структуру общества, во

все его подсистемы, отношения, но и затрагивающий, даже определяющий область установок, представлений, ожиданий, мотивов людей, социальных групп. Криминализация мыслится, во-первых, как понятие, передающее определённый уровень аномии, дезинтеграции общества, переход за определённую меру, черту негативных процессов. Криминализация передаёт определённый достигнутый уровень замещения одобряемого в обществе осуждаемым с точки зрения позитивных норм, сколько бы индивидов не разделяли такие нормы. Криминализация, во-вторых, представляется нам и как процесс, и как его результат, означающий не просто появление, а всё большее распространение, также переходящего норму-интервал, меру, своеобразного социального мира, занимающего до- или околопреступное положение в социальном пространстве. И ещё один момент. С социологической точки зрения можно утверждать, что криминализация передаёт и состоявшееся замещение моральной и правовой регуляции другими средствами, инструментами, механизмами, среди которых мы можем выделить целесообразный прагматизм, означающий ситуативно понимаемую систему действий, наилучшим образом удовлетворяющих частный интерес вне сопряжения с интересами групп, общества в целом.

⁵ **Методология исследования.** В качестве методологической основы предлагаемого анализа мы опираемся на структурно-функциональный анализ, предполагающий, в частности, рассмотрение функциональной нагруженности каждого структурного элемента общества. Исходя из этого, как представляется, можно рассматривать и криминалитет, как совокупность преступных элементов социума, выполняющего деструктивную функцию, разрушающую правовые и моральные основы общества, негативно воздействующего на все процессы, в нём происходящие, включая социализацию молодёжи. Автор использовал в своём анализе вторичный анализ социологических и иных источников, раскрывающих процесс закрепления нового типа криминалитета в советском обществе, его специфику применительно к Калининградской области.

⁶ **Советский криминалитет 1940-х гг. как социальная группа.** Теперь попытаемся, исходя из этих посылок, рассмотреть криминализацию советского общества в период всё более полного закрепления тоталитарного режима, в 1940-е гг., когда, казалось бы, возможности антиправовой активности людей были крайне ограничены. Ведь всю криминальность такой режим как бы впитывал, вбирал в себя, максимально сужая поле какой-либо деятельной свободы для всех остальных людей и групп. Мы подчёркиваем любую свободу, включая в данном случае и свободу тех, кто стремится открыто или не вполне явно выступить против закона, всего, что исходит от государства. И все же даже в указанные годы не только сохраняется преступность в её, как говорится, традиционных формах, но закладываются основы организованной преступности советского типа. Главной характеристикой этого периода жизни социума, наряду с формированием основ организованной преступности, является полное утверждение советского криминалитета.

⁷ Ничейность собственности породила своеволие, безответственность, готовность жертвовать многомиллионными издержками производства во имя не всегда рациональных, логичных действий, диктуемых партийным сверхаппаратом. Нельзя не отметить и наличие такого социально-психологического феномена как

соблазн определённого прикосновения к собственности, а значит и её присвоения. Понятно, что при этом нельзя исключить честного служения многих работников аппарата управления обществу. Важно другое, требовался поистине всепроникающий, постоянный контроль за всеми работниками. Что, естественно, даже при всей жесткости режима было недостижимо, тем более что требовался контроль за самими контролёрами.

⁸ Важным аспектом, влиявшим на степень криминальности всех социальных отношений в обществе, было такое атрибутивное качество сложившейся социально-экономической системы, как постоянный дефицит многих жизненно важных порой товаров и услуг. Существовавший экономический уклад лишь в самой малой степени был развернут к человеку, видел в нём скорее рабочий «винтик», сугубо функционального индивида, а не личность, потребителя материальных и духовных ценностей. В силу этого продукты, услуги были отнюдь не равнодоступными для представителей различных профессиональных групп. Отсюда понятно, почему в 1930–1940 гг., как впрочем, и во все остальные периоды советской истории, как общеуголовная, так и элитарная преступность, в наибольшей мере фиксируется в сфере распределения и обмена. В конце 1930-х гг. сумма хищений в торговых органах достигала за год почти 270 млн руб., что по тем временам было ощутимой суммой [17, с. 49]. Бюджет СССР, например, по доходам в 1937 г. составлял около 76 млрд руб. [4].

⁹ Как ни парадоксально прозвучит, но власть своими жёсткими действиями породила околоступный социальный мир. Имеется в виду, что феномен неправового права, свойственный этому периоду жизни СССР, под которым мы понимаем формальное принятое законодательство, нарушающее жизненные права и интересы, искусственно породил якобы уголовные элементы. На самом деле многие люди просто боролись за элементарное выживание. Власть сама выталкивала их на периферию социальной жизни. Достаточно вспомнить, например, совместное постановление ЦИК и Совета народных комиссаров СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», больше известное как закон «о пяти колосках». В этом постановлении указывается на необходимость «применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» [14]. К смягчающим обстоятельствам, видимо, относилось действительно наличие небольшого количества съестного. К слову заметить, этот документ утратил силу только в 1959 г. А в конституции СССР, принятой в 1936 г., уже появилось понятие «враги народа». Причём в основном законе СССР относилось это понятие только к тем, кто посягал на общественную собственность. В статье 131 конституции прямо указывается, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» [8].

¹⁰ В силу нерыночного характера экономической системы специфично советским видом криминального действия была спекуляция. Совершенно привычное и нормальное с точки зрения рыночной экономики в советское время

оно было преступным. По уголовному кодексу СССР 1960 г., который наследовал определение спекуляции из более ранних законодательных актов, под этим действием понималась скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы (статья 154) [5]. Очевидно, что наказание за это возможно только в нерыночной экономической системе. На 1 марта 1940 г., например, из общего числа заключённых в советских лагерях (а это более 1,6 млн чел.) 12,4 % были осуждены за спекуляцию и прочие преступления против управления [6, с.14]. Ещё более специфичной выглядит спекуляция так называемыми карточками (это были, как известно, особые документы, наличие которых было обязательным для приобретения продовольственных и промышленных товаров, включая такие жизненно важные как хлеб). Карточки периодически вводились в связи с кризисами снабжения. Действовали они и в годы Великой Отечественной войны, и в первые послевоенные годы. К началу 1942 г. карточки стали подделывать так часто, что правительству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам: каждые две недели в их оформлении что-то меняли: размер шрифта, рисунок, дизайн сеточки. Это помогало быстро вычислять подделки [18]. Только за три месяца 1946 г., например, было задержано на рынках страны за куплю и продажу карточек почти 67 тыс. чел., из которых привлечено к уголовной ответственности более 10 тыс. При этом было изъято: карточек и талонов на хлеб и другие продукты — более 420 тыс.; карточек на промтовары — более 330 тыс.; денег — более 5 млн руб. других ценностей на сумму — почти 3 млн руб. [2, с. 17].

¹¹ Что касается организованной преступности в советском варианте, то уже в 1930 гг. происходит окончательное её оформление. Именно в этот период появляются в СССР так называемые «воры в законе», т. е. профессиональные преступники, живущие по особым, достаточно устойчивым правилам, раскрытие сути которых не представляет для нас в данном случае интереса.

¹² Отмечается стабильное функционирование группировок (банд), состоящих в основном из рецидивистов. В 1938 г. в структуре НКВД СССР было образовано специальное подразделение для координации борьбы с различными «бандпроявлениями» в СССР [16, с.183]. Спецификой отечественных бандитских формирований было то, что часто они взаимодействовали с представителями эмиграции, сотрудниками спецслужб прежней власти.

¹³ Наряду с этой, более традиционной организованной преступностью появилась и новая, советского типа. Исследователи отмечают, что основными сферами деятельности преступных групп в экономике страны становятся: скупка драгоценных металлов, серебряных монет, антиквариата для последующих махинаций в системе магазинов «Торгсина» (государственная организация, которая занималась торговлей с иностранцами), появление «чёрных бирж», организованные хищения в торговле, снабжении, промысловой кооперации, использование частником комиссионных магазинов для сбыта подпольно произведённой продукции [2, с. 73].

¹⁴ К началу 1940-х гг. чрезвычайно жёсткими репрессивными мерами была подавлена активность политических организованных преступных формирований. Сформировался новый криминальный мир, в котором основной спланивающей силой стала тенденция неполитического противодействия и неподчинения власти.

15 Во второй половине 1940-х гг. в криминальном мире произошли некоторые изменения. Тяжёлое экономическое положение в послевоенном обществе привело к росту бандитизма и преступности в целом, причём преступные новобранцы уже не считали нужным соблюдать старые преступные традиции. Они создавали свои кодексы поведения, не исключавшие взаимовыгодного сотрудничества с государством. Но очень часто организованные преступные группы носили не только уголовный, но и политический, в частности, националистический характер. Только в 1945 г. на Западной Украине было ликвидировано 890 вооруженных групп, при этом убито 44 тыс. и арестовано свыше 17 тыс. их участников [13, с. 448].

16 Распространённым видом нелегального бизнеса в конце 1940-х гг. были операции по купле-продаже иностранной валюты, золотых монет царской чеканки, золота, драгоценностей — ведь это был единственный путь «отмывания преступных доходов» в советском государстве. Так, в Московской области в течение лишь пяти месяцев 1946 г. было раскрыто 4 организованных группы валютчиков. Перечень изъятых материальных ценностей впечатляет: 304 тыс. руб., сберегательных книжек с вкладами на предъявителя на 105 тыс. руб., облигаций государственных займов на 294 тыс. руб., 5 022 долл. США, 120 фунтов стерлингов, золотых монет царской чеканки на 16335 руб. Общий вес изъятых золотых монет и украшений составил 14,7 килограмма [11, с. 472].

17 Интересно и то, что в механизме функционирования организованных преступных групп в сфере экономики в первые послевоенные годы возникло несколько новых тенденций. Во-первых, во многих случаях наблюдалось переплетение хищений государственной и общественной собственности, спекуляции и незаконной предпринимательской деятельности. Эта тенденция наблюдалась и в предвоенное десятилетие, однако в послевоенные годы значительно возросли масштабы преступной деятельности в экономической сфере. Во-вторых, в конце 1940-х гг. отмечалась устойчивая тенденция воспроизводства организованных преступных групп, действовавших в экономической сфере. В-третьих, выявленные крупные организованные преступные группы, действовавшие в экономической сфере СССР, имели «прикрытие» в лице представителей контролирующих органов, в отдельных случаях сотрудников правоохранительных органов. Взятничество и смычка с преступными элементами получили распространение и в самих правоохранительных органах.

18 Во второй половине 1940-х гг. продолжился процесс формирования организованной преступности в экономике страны. В целом число заключённых устойчиво росло. В 1948 г. их было более 1,1 млн, в 1949 г. — более 1,2 млн [9]. В связи с этим возникает вопрос: среди заключённых были не только уголовники, но и осуждённые по политическим статьям? Насколько корректно тогда говорить о ёмкости криминалитета? Отчасти это так. В то же время, по скрупулезным расчётам Л. Л. Рыбаковского, преобладающее большинство заключённых составляли именно уголовники, в 1938 г., например, их было около 75 % [15, с. 37].

19 **Особенности криминальной активности в Калининградской области в период её становления.** Известно, что Калининградский социум формировался из переселенцев, которые после решения о передаче части бывшей Восточной

Пруссии Советскому Союзу стали приезжать на эту землю. Наряду с общими тенденциями, свойственными криминальной активности в послевоенные годы, в Калининградской области можно отметить и некие специфичные черты.

²⁰ Во-первых, на новую советскую землю под видом переселенцев устремились и те, кто, учитывая невозможность полного контроля за вновь пребывающими, наличие многих мест для укрытия (большие разрушения в городах и посёлках, например), пытался скрыться от правосудия. В рассекреченном отчёте Областного управления милиции сообщается, что с 1 июля 1946 г. по январь 1947 г. удалось ликвидировать 64 бандитско-грабительские и воровские группы в составе 182 чел. В апреле того же 1947 г. была ликвидирована банда из 22 чел., на счету которой — ограбления, разбои, кражи и убийства [12].

²¹ Во-вторых, область была насыщена оружием. Известно, что после войны многие офицеры и солдаты, возвращаясь домой, имели при себе так называемое трофейное оружие. Это отмечалось повсеместно. Но в Калининградской области, впрочем, как, видимо, и в иных, которые были под оккупантами, в самой земле находилось немало пригодного к использованию оружия. В приказе областного управления по гражданским делам от 19 октября 1946 г. отмечалось, что «после военных действий на территории Калининградской области на полях, в лесах и населённых пунктах осталось большое количество огнестрельного и холодного оружия и боеприпасов, которое своевременно не было обнаружено и собрано специальными частями Красной Армии. Часть этого оружия и боеприпасов подобрана отдельными организациями и лицами и хранится без всякого на это разрешения органов милиции, в силу чего попадает в руки неблагонадёжных лиц и уголовно-преступного элемента» [12]. Ещё и поэтому, что уже отмечалось выше, был столь развит бандитизм. Как и в некоторых областях Украины, в Литве, Латвии, Эстонии уголовный бандитизм сочетался в Калининградской области с политическим. Так называемые литовские «лесные братья» нередко наведывались в область. Советские переселенцы вспоминали о многочисленных случаях «встреч» на дорогах области с этими бандитами, которые порой наряду с грабежом и убийствами интересовались у ограбленных, но затем отпущенных, о их принадлежности к комсомолу и коммунистической партии. Власти стали выделять вооружённых военнослужащих для сопровождения автомобилей с грузами и людьми в приграничных с Литвой районах области [3, с. 100].

²² В-третьих, особенностью криминальной активности в Калининградской области в послевоенный период было уголовное давление на немецкое население, которое ещё не было репатриировано. Самые первые переселенцы открыто пользовались оставленным или брошенным немцами имуществом, а то и грабили их. Распространение получило и так называемое кладоискательство, когда приехавшие активно искали припрятанное немцами имущество. Находились люди, для которых кладоискательство было не просто интересным занятием, но и источником дохода. Для того, чтобы поставить дело на профессиональную основу, они внимательно изучали планы домов, выясняли вероятные места захоронения ценностей, приобретали необходимый специальный инвентарь: железный щуп, лопаты, молотки. Таких людей в народе называли тогда «трофейщиками» [3, с. 95].

Специфичной становилась и так называемая элитарная преступность. В «Отчёте о рассмотрении персональных дел коммунистов Калининградским обкомом ВКП(б) в 1947 году», например, говорится: «Характер партпроступков, совершённых коммунистами, определяется специфическими условиями состояния Калининградской области: наличием большой прослойки немецкого населения, значительным количеством трофейного имущества, близостью литовской границы со сравнительно недорогими ценами на рынках на продовольственные товары по сравнению с Калининградской областью, слабой постановкой в первичных партийных организациях внутривнутрипартийной и политической работы». И далее: «Всё это порождает даже такие аморальные поступки, как сожительство с немками, стремление к личному обогащению, граничащее с мелкобуржуазным перерождением, ряд случаев взяточничества, растрат, краж, спекуляции, пьянства и хулиганства» [12]. Но всё это сочеталось и с так называемыми традиционными видами криминальной активности. В официальных документах отмечалось, например, что из 317 работников, присланных в 1946 г. Министерством торговли СССР, 140 чел. оказались жуликами и проходимцами. Из 65 работников, приглашённых в органы прокуратуры, 15 сняты с работы за непригодность и злоупотребления. В системе «Заготзерно» пять работников были отданы под суд за злоупотребления, 14 уволено за непригодностью и восемь самостоятельно ушли с работы [12].

²⁴ **Выводы.** Таким образом, констатируя, что в 1940-е гг. окончательно сформировался специфичный криминалитет, который сочетал в себе черты традиционного, свойственного любому обществу, и обладающими иными характеристиками. Среди этих новых черт можно выделить, например, корыстные манипуляции с государственной собственностью. На определённом этапе организованные преступные формирования были не только сугубо бандитскими, но и в какой-то мере активно занимались политическим противостоянием советской власти. Криминальность многих действий придавал нерыночный характер социально-экономической системы. В силу этого санкциям подвергались спекуляция, приобретение иностранной валюты. Жесткость действий правоохранительной системы не всегда достигала желаемого результата, порой порождая достаточно ёмкий околопреступный социальный мир, а уровень преступности в указанный период оставался на достаточно высоком уровне. Наряду с общими чертами, присущими делинкветному поведению, всегда можно выделить и региональные его особенности. В Калининградской области, с учётом специфики формирования регионального социума, истории её возникновения, к таким характерным чертам, по крайней мере в первые послевоенные годы, можно отнести уголовное давление на немецкое население, рейды политических бандитов из соседней Литвы, достаточно массовое использование оружия.

Библиография:

1. Богданов С. В. Спекуляция в СССР (1945–1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/2 (64). С. 16–22.

2. Богданов С. В., Репецкая А. Л. Организованная преступность в экономической сфере СССР в 1930–1950-е годы: особенности воспроизводства, масштабы, формы проявления // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 4 (18). С. 70–79.
3. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб.: Бельведер, 2002. 272 с.
4. Государственный бюджет СССР: Статистический сборник, часть I, 1918–1937 гг. [Электронный ресурс]: URL: http://istmat.info/files/uploads/47225/52_gosudarstvennyy_byudzhjet_ssr_ch_i_1918-1937.pdf
5. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении уголовного кодекса РСФСР» (Вместе с уголовным кодексом РСФСР). [Электронный ресурс]: URL: zakonbase.ru/zakony/27-10-1960-ot-1960-10-27-ob-utverzhdanii/statja-154. (дата обращения: 08.08.2019).
6. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.
7. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm> (дата обращения: 09.08.2019).
9. Лунеев В. Тюремное население в СССР: Демоскоп weekly, № 239–240, 20 марта — 2 апреля 2006. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema07.php> (дата обращения: 10.08.2019).
10. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. 525 с.
11. Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2000. 768 с.
12. Неудобные истории Калининграда. [Электронный ресурс]: URL: <https://zen.yandex.ru/media/id> (дата обращения: 10.08.2019).
13. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) / Сборник документов. Составители: Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. М.: Объединенная редакция МВД России. 2008. 640 с.

14. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6541#08512188241181402> (дата обращения: 09.08.2019).
15. Рыбаковский Л. Л. Роковые — тридцать седьмые // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 34–49.
16. Седунов А. В. Нужны новые методы борьбы // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 25. С.183–191.
17. Твердюкова Е. Д. Борьба с хищениями в советской торговле в 1930-е годы (на материалах Ленинграда) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 3. С. 44–49.
18. Холодов С. Фальшивомонетчики: кто подделывал денежные знаки в СССР: Интернет журнал «Живая история». [Электронный ресурс]: URL: <http://lhistory.ru/statyi/falshivomonetchiki> (дата обращения: 08.08.2019).

Sociological aspects of criminalization of the Soviet society in the 1940s: specificity of the Kaliningrad region

Vladimir Krivosheev

*Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University
Russian Federation, Kaliningrad*

Abstract

The article reveals the specifics of the sociological interpretation of the concept of “criminalization”, shows the characteristics of this complex social phenomenon. The features of consolidation in the society of Soviet criminality, its main features are considered. Particular attention is concentrated on the transformation of domestic criminality in the 1940s, its actions under the conditions of a totalitarian regime, when, it would seem, any deviations from generally accepted norms and orders were hardly possible. The emphasis is also on the regional characteristics of criminal activity. In particular, the scale and characteristics of crime in the Kaliningrad region that arose in parts of East Prussia after the Great Patriotic War are shown. It is emphasized that some of the components of criminal activity in the Soviet period of history are directly related to the characteristics of the socio-economic and political system that has developed in the USSR. This, in particular, is about the non-market nature of the national economy, the supremacy of the supranational administrative apparatus. The urgency of the proposed analysis is dictated not only by the need for a more complete understanding of various aspects of the criminalization of Russian society, but also by the needs of its modern development in a positive scenario, and to identify the possibility of holding criminal manifestations within socially acceptable limits for society.

Keywords: criminalization, specifics of the sociological analysis of crime, Soviet criminality, Kaliningrad region

Publication date: 25.12.2019

Citation link:

Krivosheev V. Sociological aspects of criminalization of the Soviet society in the 1940s: specificity of the Kaliningrad region // Pskov Journal of Regional Studies – 2019. – Issue 4 (40) С. 48-56 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310010188-9-1> (circulation date: 26.07.2024). DOI: 10.37490/S221979310010188-9